

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И СТРАТЕГИЯ ЖИЗНИ СВ. ПРАВ. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО И ГЕОРГИЯ ГАПОНА СРАВНИТЕЛЬНЫЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

**АРХИЕПИСКОП ТИХВИНСКИЙ
КОНСТАНТИН (ГОРЯНОВ)***

Автор, с позиций богословского понимания личности, рассматривает, как формировались системы жизненных ценностей двух людей, сыгравших важную роль в переломный предреволюционный период истории России: святого праведного Иоанна Кронштадтского и неудавшегося пастыря, известного деятеля периода первой русской революции 1905г. Георгия Гапона. Для этого он просматривает истории их жизней, которые начинались, отчасти, сходным образом, отмечает узловые события, предлагая их смысловую трактовку, сопоставляя духовный путь и итог жизни этих двух личностей.

Узловые моменты в хитросплетенной исторической сетке всегда связаны с именами знаменитых личностей, которые являются, чаще всего, предводителями и учителями народных масс, и без этих масс их деятельность не имела бы смысла. Но и движение народа, кажется, не имеет смысла, если его рассматривать только с материалистических позиций, подобно биологической или географической истории Земли.

Если взять во внимание одну человеческую личность и рассмотреть ее вне зависимости от других, то покажется, что она абсолютно свободна и может руководствоваться лишь своей волей. Если же эту личность рассматривать в связи с другими такими же личностями, то становится очевидным действие непреложных законов, ограничивающих ее свободу. Личность обладает природой, и в определенном смысле она свободна по отношению к природе. Однако именно в своем «несвободном» состоянии личность, непримиримая к роли бездушного элемента природы, по-

* *Архиепископ Тихвинский Константин (Горянов)* — ректор Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, профессор.

стоянно стремится к пониманию разумного смысла своего бытия, причем, без помощи органов внешних чувств, то есть внутренним познанием, которым познает самое себя и Божественный о себе замысел.

Для исследования этого непростого процесса следует уяснить, что же такое личность?

Психическая реальность, описываемая термином «личность», проявляется уже в самой этимологии этого слова. Первоначально этот термин — «лицо» (греч. ρσϋσϣϣϣϣ — просопон) — относился к актерским маскам, личинам, которые в античном театре были закреплены за определенными типами действующих лиц. Впоследствии это слово стало означать самого актера и его роль. Латинское *persona* употреблялось с обязательным указанием общественной значимости героя, так что под личностью понималась социальная роль человека.

Постепенно это понятие в философской литературе наполнялось все более многообразным смыслом, диапазон и оттенки которого в определенной мере специфичны для национального языка и конкретной философской системы.

Важно отметить, что понятие личности появилось не сразу, а складывалось медленно и постепенно — по мере формирования самой личности как социально-культурного явления. Сравнительно-исторические исследования показывают, что до христианской эпохи в Европе, в том числе и в Древней Греции, феномен личности в современном понимании не существовал. Своим возникновением он обязан именно христианству, когда создалась почва для отношения к человеку как «уникальному существу, ценность которого определяется чем-то высшим, чем принадлежностью к роду, к «государству-городу» или «патриархальной деспотии» востока» (Зенько, 2007, с.250).

В светской науке — психологии, социологии — эволюция понятия «личность» дала импульс для развития представлений о ней самой как системе ролевого поведения, в которой эта личность характеризуется, главным образом, выполняемой социальной ролью. Однако такой подход подвергался критике, как со стороны самих психологов, так и философов. Ведь для понимания существа личности определяющее значение имеет выбор, принятие и исполнение человеком определенных социальных действий, внутреннее отношение к ним. Человек как личность свободно и осознанно принимает ту или иную социальную роль, сознает возможные последствия своих действий при ее осуществлении и принимает всю полноту ответственности за свои поступки: «человек должен сам заложить основу своего будущего явления, как человека; он должен сам, через «духовные упражнения» соткать ткань, в которую облечется в

будущем» (Слободчиков, Исаев, 2000, с.17). С точки зрения психологии, процесс становления личности осуществляется в многообразных социальных связях и отношениях на протяжении всей жизни человека.

Становление личности в христианской мысли рассматривается с той позиции, что человек является не случайным ростком, удачной ветвью эволюционирующей природы, а носителем Божественного образа, образа Того, Кто Сам является Личностью и позволяет наследовать это свойство человеку. С точки зрения христианского богословия, процесс становления личности рассматривается как процесс общения с Богом. Человек – «пред-личность», которая в процессе предстояния перед Лицом Божиим, в процессе общения с Личностью, становится личностью (*митр. Иоанн Зизиулас*, 1998, с.6).

В человеке есть безусловное надприродное начало – разум, самосознание, свобода и нравственность – значит, безусловное начало есть и вне человека, – писал В.И.Несмелов (1863-1937), известный христианский богослов и философ, профессор Казанской Духовной Академии. В природе все существует и движется по законам гравитации, физики, химии, биологии, все детерминировано, свобода и нравственность в природе (вне человека) отсутствуют. Человек сознает себя личностью высшего порядка, а не вещью – природного, и это сознание не могло возникнуть из мира вещей, из порядка низшей природы. Сознание своего богоподобия – есть сознание не от мира сего.

В.И.Несмелов в своем фундаментальном труде «Наука о человеке» выдвинул небывалую идею религиозной антропологии, заключающуюся в том, что человеческая личность является не зеркалом по отношению к Богу, а самим изображением Бога, и «образ Божий в человеке не возникает под формою какого-нибудь явления сознания, а представляется самую человеческою личностью во всем объеме ее природного содержания, так что это содержание непосредственно открывает нам истинную природу Бога, каким Он существует в Себе Самом» (Несмелов, 1905, с.270). Человек лишь потому существует в качестве личности, что отображает в себе Безусловную Сущность и Личность. Истина бытия Божия утверждается здесь на неизвестных ранее основаниях.

Мысль В.И.Несмелова, что образ Божий отображается не в какой-либо одной составляющей человека, например, в уме, а в совокупности всех проявлений личности, продолжается в православной концепции «богословия образа» (*еп. Константин Горянов*, 1996, с.55-62).

Образ Божий в человеке не может быть объективирован или превращен в атрибут какой-либо одной только части человеческого существа.

«Быть по образу Божию, утверждают в конечном своем анализе отцы, значит, быть существом личным, то есть существом свободным, ответственным. Можно было бы спросить, почему же Бог создал человека свободным и ответственным? Именно потому, что Он хотел призвать его к высочайшему дару — обожению, то есть к тому, чтобы человек в устремлении бесконечном, как бесконечен Сам Бог, становился по благодати тем, что Бог есть по Своей природе. Но этот зов требует свободного ответа. Бог хочет, чтобы порыв этот был порывом любви. Соединение без любви было бы механическим, а любовь предполагает свободу, возможность выбора и отказа» (Лосский, 1972, с. 156). Само наличие и возможность свободы предполагает и возможность бунта. «Только сопротивление свободы придает смысл согласию, — пишет В.Н.Лосский, — личное существо способно любить кого-то больше собственной своей природы, больше собственной своей жизни. Таким образом, личность, этот образ Божий в человеке, есть свобода человека по отношению к своей природе» (там же).

Профессор В.И.Несмелов, анализируя связь между богопознанием и самосознанием человека, приходит к выводу, что Бог принудительно не вкладывает идею о Себе в человеческий разум. В.И.Несмелов заявляет, что образ Бога вовсе не дан человеку в готовом виде, познание Бога происходит в процессе самосознания человеческой личности, и наоборот, «думая о Боге, человек думает о себе самом, и религиозное сознание человека в действительности всегда и непременно является составной частью его самосознания» (Несмелов, 1905, с.280).

Именно поэтому можно утверждать, что атеизм по своему существу является не доктриной, а психологическим настроением человека. Вопрос о бытии и познании Бога является для человека вечным вопросом жизни. Сколько и как ни решали бы его другие люди, каждое человеческое «Я» все-таки снова ставит его, потому что это вопрос не внешнего знания, а личного самосознания и жизни каждого отдельного человека (ep. Константин Горянов, 1990, с.32-36; 1991, с.40-44).

Таким образом, личность есть высочайшее творение Божие именно потому, что Бог вкладывает в нее способность любви — следовательно, и отказа. Но возникает закономерный и справедливый вопрос: почему Бог подвергает риску вечной гибели Свое творение — человека? Именно для того, чтобы оно стало совершеннейшим. «В самом своем величии — в способности стать Богом — человек способен к падению, — утверждает В.Н.Лосский, — но без этой способности пасть нет и величия. Поэтому, как утверждают отцы, человек должен пройти через испытание, reiga, чтобы обрести сознание своей свободы, сознание той свободной любви, которой ждет от него Бог» (Лосский, 1972, с.157).

Рассмотрим, с этих позиций, как формировались личности, системы жизненных ценностей двух конкретных людей, сыгравших важную роль в переломный предреволюционный период истории России: святого праведного Иоанна Кронштадтского (1828-1909), всероссийского пастыря, великого молитвенника и чудотворца, предсказавшего трагические события русской истории XX века, и Георгия Гапона (1870-1906). Как утверждает исследователь жизни и деятельности последнего, «можно с уверенностью сказать, что в 1905-1906 годах ни одно русское имя не вызывало во всей Европе столь же жгучего интереса, как имя Георгия Гапона. Его превозносили, его низвергали, на него клеветали» (*Кавторин*, 1992, с.227). Бездна, разделяющая святого Иоанна Кронштадтского и о. Георгия Гапона (лишенного сана в 1905г.), ставшего провокатором и одним из расслителей народного духа, – слишком очевидна, чтобы лишней раз заострять на ней внимание. Интересно другое: изначально между ними было много общего.

Судьба, словно для проверки духа каждого, дала обоим одинаковый старт. Оба начинали примерно в равных условиях, как многие их сверстники. Оба – выходцы из провинциальной глубинки, из бедных семей, окончившие духовные училища, семинарии, являвшиеся выпускниками Санкт-Петербургской Духовной Академии. Оба – священники, в какой-то период одновременно служившие в Санкт-Петербурге, знавшие друг друга и вместе литургисавшие.

* * *

Святой праведный Иоанн Кронштадтский родился в селе Сура Пинежского уезда Архангельской губернии 19 декабря 1828 года в семье бедного причетника Ильи Михайловича Сергиева (1808-1851)¹. В своей автобиографии о. Иоанн напишет: «С самого раннего детства родители приучили меня к молитве... Евангелие было спутником моего детства, моим наставником, руководителем и утешителем...» (Св. прав. Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев, 1997, с.14). Грамота давалась ему тяжело, «но, будучи приучен отцом и матерью к молитве, скорбя о неудачах своего учения, я горячо молился Богу, чтобы Он дал мне разум, и я помню, как вдруг спала точно пелена с моего ума, и я стал хорошо понимать учение. На десятом году меня повезли в Архангельское приходское училище»².

¹ Наиболее полную биографию см.: *Вениамин (Федченков), митр.* Отец Иоанн Кронштадтский. СПб.; Кронштадт: «Воскресение», 2000.

² Цитируемая автобиография незначительно отличается от Автобиографии, помещенной в издании: Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев. М.: Изд-во «Отчий дом», 2004.

Училище это будущий «всероссийский батюшка» окончил в 1845г. уже в числе успевающих и был «назначен к поступлению в Архангельскую семинарию» (*митр. Вениамин Федченков*, 2000, с.56).

Административно Архангельская семинария была причислена к Петербургскому духовному округу и находилась в зависимости от столичной Духовной академии. В организационном отношении духовные учебные заведения Архангельска после реформы 1809 года представляли собой трехступенчатую структуру, включавшую в себя Архангельскую духовную семинарию и подведомственные ей училища: приходское и уездное. Каждая из трех названных ступеней служила подготовительным этапом к последующей и, в свою очередь, делилась на «отделения» или «классы». Так, в приходском духовном училище было два класса – младший и старший, или первый и второй, в которых дети обучались часослову, псалтыри, чистописанию, правописанию, грамматическому разбору, арифметике, священной истории, сокращенному катехизису и нотному обиходу. Уездное духовное училище состояло из двух двухгодичных отделений – высшего и низшего. В течение четырех лет ученики изучали российскую и славянскую грамматику, арифметику, священную историю, пространный катехизис, географию, устав, нотное пение, латинский и греческий языки.

Обучение в семинарии длилось 6 лет, оно было также разделено на три двухгодичных цикла, или отделения. В низшем отделении больший упор делался на изучении риторики и поэзии, а потому обучающиеся на нем студенты назывались «учениками словесности». В среднем – «философском» – отделении курс наук дополнялся патристикой, философией, психологией, герменевтикой, логикой, естественными науками и сельским хозяйством. В высшем – «богословском» – отделении, помимо продолжения изучения многих уже названных дисциплин, уделялось особое внимание богословским наукам и изучению иностранных языков (французского, немецкого или еврейского) (*Балакшина*). В отдельные периоды преподавалась медицина. Дело в том, что врачи, фельдшера находились в крупных населенных пунктах и требовали за визит значительных гонораров, а у крестьян не всегда на это имелись средства. Поэтому священникам часто приходилось выполнять функции врача. Семинарская программа была высочайше утверждена и обязательна для выполнения.

Обучение в семинарии не было бесплатным, частично оно оплачивалось государством, а частично – родителями. Ученики, оплата содержания которых в духовных школах полностью шла из казны, назывались «бурсаками»; наполовину – «полубурсаками»; остальные находи-

лись «на коште родителей». Число бурсачных и полубурсачных мест было строго ограничено, а священно- и церковнослужителей, по бедности не имевших возможности платить за обучение своих детей, всегда находилось гораздо больше. На учебу не хватало средств, воспитанники ходили по разным учреждениям и в канцеляриях выпрашивали себе бумаги для переписывания.

В столичных семинариях была также распространена практика именных стипендий, когда обучение лучших или беднейших учеников оплачивалось каким-либо значительным и состоятельным лицом. В Архангельской духовной семинарии была учреждена только архиерейская стипендия. Иван Сергиев стал ее стипендиатом в 1850-1851 учебном году. Спустя полвека в 1900-е годы, получив уже всероссийскую известность, о. Иоанн смог материально помогать таким же бедным студентам, каким когда-то был сам, и учредил ряд стипендий в различных духовных учреждениях страны, в том числе и в Архангельской семинарии.

Надо отметить, что в 40-е годы в духовных училищах Архангельска обучались сразу два брата Сергиевых – будущий о. Иоанн Кронштадтский и его младший брат, тоже Иван. Родители дали второму сыну такое же имя, как и первому, поскольку надежда на то, что болезненный и слабый старший Иван останется жив, была слишком мала.

Когда обучался только старший Иван, его отцу еще удавалось собрать денег на учебу. Когда же в училище поступил еще и младший сын, положение стало критическим³. Тем не менее, Иван Сергиев в 1845г. успешно оканчивает Высшее отделение Архангельского духовного

³ В архиве сохранились прошения отца будущего пастыря Иоанна Кронштадтского (Илья Сергиева) и самого семинариста к семинарскому начальству о предоставлении последнему казенного содержания. Начальство всегда отказывало под тем предлогом, что Иван Сергиев имеет пономарское место как источник дополнительного дохода, которого, однако, не хватало на учебу, что видно из «покорнейшего» прошения самого Ивана: «Отец мой Илья Сергиев, проживающий в Сурском приходе Пинежского уезда дьячком, имеет, кроме меня и брата моего Ивана Сергиева, обучающегося в первом приходском классе, в семействе четыре человека. По бедности своей он не только не в состоянии мне доставлять приличного для ученика одеяния, но и с величайшею трудностью пропитывает меньшего брата моего, который содержится на его собственном иждивении уже третий год. По сему покорнейше прошу Семинарское правление, не соблаговолено ли будет меня принять на полное казенное содержание, и тем избавить отца моего от крайней бедности. О чем учинить милостивейшее благорассмотрение и решение.

К сему прошению вышеозначенный ученик Низшего класса Иван Сергиев руку приложил. 1842 года Сентября 11 дня» (ГААО, ф.73 оп.1, д.237, л.698).

уездного училища и поступает в низшее отделение Семинарии. И в июле этого же года епископ Архангельский и Холмогорский Георгий утвердил Ивана Сергиева, студента Семинарии, писцом уездного училища с положением скромного жалованья по 17 рублей 16 коп. в год, то есть по 1 рублю 43 копейки в месяц, что уже было большим успехом. Но обязанности письмоводителя Иван Сергиев исполнял очень недолго. 30 июля 1845г. на Архангельской кафедре сменился епископ. Место преосвященного Георгия (Ящуржинского), утверждавшего Ивана в должности писца, занял преосвященный Варлаам (Успенский). И уже в январе 1846г. епископ Варлаам устно предложил семинарскому правлению найти на должность писца нового ученика. Истинные причины такого решения неизвестны.

Однако, несмотря на все трудности, за годы обучения в Семинарии Иван Сергиев зарекомендовал себя весьма способным и примерным воспитанником, в результате чего он был даже назначен «старшим над архиерейскими певчими». Правда, по воспоминаниям о. Иоанна, эта должность «над самой некультурной, пьяной и распущенной в прежнее время частью бурсы» едва не сгубила его.

Претерпевая всевозможные испытания и искушения, Иван Сергиев в 1851г. закачивает Семинарию первым учеником выпуска. И именно ему выпала честь от лица выпускников произнести речь. Как подчеркивает митрополит Вениамин, «в его речи уже виден будущий человек «опыта», а не только знаний; уже наметился пастырь-молитвенник. Нередко мы в юности склонны бываем критиковать наших отцов, не так было у Ивана Сергиева... Благодарит сначала архиерея, как высокого отца за «неоцененные блага образования». Кто читал творения отца Иоанна, особенно его «Дневник», тот знает, как высоко всегда отзывался он о богословском образовании; никогда он не унижал его... А потом, будущий всероссийский молитвенник и чудотворец, обещает – от лица всех окончивших курс – молиться перед престолом Божиим за архипастыря своего, зная, что почти все они, хоть не все в одно время, будут служителями алтарей. Не всем известно, что в мои годы на это служение уходили от 10 до 20 %, а в академии даже и менее: во время же отца Иоанна «почти все» ... И – Правдою Божиею – были наши школы закрыты потом, как «малоплодные смоковницы»» (митр. Вениамин Федченков, 2000, с.24-25)⁴.

⁴ Митрополит Вениамин сравнивает со временем своего обучения в Тамбовской духовной семинарии (1897-1901), а затем в Санкт-Петербургской духовной академии (1903-1907); в 1911 году он был назначен на должность инспектора Санкт-Петербургской духовной семинарии.

Отец Ивана Сергиева, Илья Михайлович, скончался, когда юноша заканчивал семинарию. Его мать, Феодора Власьевна (1808-1871), осталась вдовой с двумя дочерьми, поэтому Иван сразу же хотел пойти на приход псаломщиком, чтобы содержать семью.

Однако решительная мать настояла, чтобы ее сын, первый ученик, по направлению ехал на учебу в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. И 28 июля того же года будущий пастырь выехал из Архангельска в Санкт-Петербург⁵...

* * *

Теперь обратимся к жизненному пути Георгия Гапона.

Он родился 5 февраля 1870г. на Полтавщине в селе Беляки. Отец – Аполлон Федорович, казак, мать – крестьянка. Семья верующая, православная, и Георгий с детства был весьма религиозен. Дед часто рассказывал ему жития святых, которые на семилетнего мальчика оказывали такое влияние, что он, молясь, часами простаивал со слезами на глазах перед иконами.

Его отца 35 лет подряд выбирали волостным писарем, но он никогда не брал взятки и, окончив службу, оказался беднее, чем был раньше. Честность унаследовал и сын. Позже, когда Г.Гапон стал известным священником, через него проходили значительные благотворительные финансовые суммы, но никто из соратников не мог его упрекнуть в воровстве.

Гапон в мемуарах с гордостью пишет о своем отце и с болью о своей Родине: «Вопреки крестьянскому обыкновению, отец никогда не бил детей. Из его разговоров я узнал о всех несправедливостях, сделанных властью по отношению крестьян, узнал о том, как каждый вершок Украины, теперь отданный правительством разным туеядцам, был полит кровью казаков, сражавшихся за свободу и народное благо и служивших оплотом западному христианству против турок и татар с Востока» (Гапон, 1990, с.4)⁶.

Мы видим, что Георгий Гапон, как и Иоанн Кронштадтский, был выходцем из провинциальной глубинки, из бедной семьи. Как и Иоанн Кронштадтский он окончит духовное училище, семинарию, а потом и Санкт-Петербургскую Духовную Академию, и примет сан священни-

⁵ Более подробно об учебе в Архангельских духовных школах см.: *Балакишина Ю.В.*

⁶ Мемуары написаны Г.Гапоном в мае-июне 1905г. в Лондоне по заказу издательства. Это практически единственный источник, повествующий о детских годах Г.Гапона.

ка. Базовые условия жизни этих двух людей похожи. Однако почему же у них сформировались столь противоположные друг другу характеры?

Попробуем изложить в сравнительном аспекте основные вехи биографии св. Иоанна Кронштадтского и о. Георгия Гапона, останавливаясь на тех моментах, которые являются наиболее существенными и имеют непосредственное отношение к раскрытию их взглядов и деятельности.

Особенную роль в развитии личности играют, по слову святителя Феофана Затворника⁷, юношеские годы, когда происходит определение целевой установки человека, нередко на всю оставшуюся жизнь.

Уже первые события биографий Иоанна Кронштадтского и Георгия Гапона позволяют судить о разном характере их воспитания. Духовное развитие личности будущего светила праведности, Иоанна Кронштадтского, с раннего детства было сопряжено с Богом-Творцом через молитвенное обращение к Нему, в то время как на маленького Георгия Гапона особенно чувствительное впечатление производили жития святых, а также разговоры о несправедливости, которые пробуждали в нем бунтарский дух. Страстной, склонной в некоторой степени к театрализации натуры будущего народного агитатора более близкими были жанровые житийные эпизоды. Особенно его привлекали в некоторых житиях апокрифические мотивы: «Помню, как меня поразило случай из жизни св. Иоанна, епископа Новгородского, когда он усердно молился, а злой дух, всеми способами стараясь смутить его, прыгнул в чан с водою, стоявший в келии, и святой муж поспешил перекрестить чан и тем закабалил черта. Черт взмолился, чтобы его выпустили, и обещал сделать все, что пожелает св. Иоанн... Рассказ этот произвел на меня большое впечатление: я заплакал, но в то же время желал, чтобы мне представился такой же случай поймать черта» (Гапон, 1990, с.5).

Этот поразивший воображение Гапона случай ясно обозначает некие самые яркие черты характера, сформированные еще в детстве, а затем проросшие у взрослого, — авантюризм и желание поиграть со злом. Отец Георгий Гапон без особых на то причин и особых духовных трудов был уверен в своей нравственной, духовной силе, верил в легкую победу над злом, с которым не боялся заигрывать, и об истинной мощи которого имел, вероятно, весьма смутные представления. Убежденность в собственном могуществе и непогрешимости свидетельствует о том,

⁷ Епископ Феофан (Говоров), Затворник Вышенский, причисленный к лику святых, был Ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии (1857-1859гг.).

что в душу Г.Гапона с детства не было заложено понятие священного страха Божия, который есть начало премудрости.

Душу Г.Гапона рано поразила страсть бунта, и отчасти виной тому был его отец, который враждебно относился к существующим порядкам. На всю жизнь Г.Гапон запомнил сцену, когда при виде проезжающей мимо коляски помещика отец сказал: «Смотри, как он гордо глядит, а ведь его коляска и все, что он имеет, досталось ему нашим трудом». Г.Гапон тогда схватил с земли камень и швырнул вслед проехавшей коляске (*там же*, с.4)... Таким был первый практический урок из «революционной теории», усвоенный Георгием Гапоном еще в детстве.

Вероятно, в детстве следует искать условия возникновения столь различной степени почитания родителей у св. Иоанна Кронштадтского и Г.Гапона.

Отец Иоанн всегда крайне уважительно, послушно и с любовью относился к матери и отцу. Достаточно упомянуть его отказ от употребления непостной пищи в Великом Посту, когда врачи настаивали на этом ввиду серьезности болезни юноши. Причина отказа была – отсутствие благословения матери. Позже, уже будучи знаменитым священником, отец Иоанн, несмотря на огромный поток посещающих его людей, не забывал навестить родную Суру, где жила его мать, а когда не мог приехать сам, вызывал ее к себе в Кронштадт. С сыновней нежностью он всегда целовал ее руку на ночь, в сыновнем неутолимом горе проводил мать в последний путь, похоронив на городском кладбище Кронштадта.

Отношения с родителями Георгия Гапона вызывают сострадание. В своих мемуарах он говорит, что в детстве любил отца и мать, но тут же признается, что «восставал против деспотизма своей матери», «нарочно бросался в реку, чтобы не идти с ней в церковь», бывал «пойман в пятницу за поедание хлеба с молоком». О матери своей он впоследствии писал как о «запутавшейся в текстах религиозного формализма», а в конце жизни признавался, что даже не знает, как и где она поживает.

Отец Г.Гапона, «неспособный убить даже муху», якобы имел влияние на сына, однако, последний, в противоположность отцу, признавал в зрелом возрасте, что необходимо и «с оружием в руках сбросить самодержавие... не останавливаясь перед жертвами».

Родители отправили Георгия Гапона в Полтавское духовное училище, где по результатам вступительных экзаменов его приняли сразу во второй класс. В училище один из педагогов, И.М.Трегубов, давал ему почитать некоторые из запрещенных тогда сочинений Л.Н.Толстого, которые, как признает сам Г.Гапон, «оказали громадное влияние на мое

мышление... Я пользовался каждым случаем, чтобы высказывать эти новые для меня идеи, в особенности у себя в деревне во время праздничных вакаций» (*там же*, с.6). Желанием поделиться с односельчанами «новыми идеями» или же самоутверждением и самолюбованием была продиктована эта сформировавшаяся потребность покритиковать и позлословить? Вероятнее всего — и тем, и другим.

После духовного училища Г.Гапон поступил в Полтавскую семинарию. Там произошло уже более тесное соприкосновение молодого семинариста с учением графа Л.Н.Толстого — двое из семинарских преподавателей оказались его последователями: это упомянутый выше И.М.Трегубов, а также И.Б.Фейнерман. Г.Гапон толстовцем не стал, но наставления «учителей», вовлекавших в социальные столкновения, повлияли на душу незакаленного семинариста. Как отмечает биограф Г.Гапона Д.Сверчков, он «под влиянием толстовца Фейнермана продолжал открыто порицать лицемерие служителей церкви. За это Гапон был лишен стипендии и стал добывать средства к жизни, давая уроки в богатых домах...» (*Сверчков*, 1920, с.11).

А вот что сам несостоявшийся пастырь пишет о своем увлечении: «Когда я поступил в семинарию, то и там, под влиянием одного толстовца — Фейермана, я продолжал открыто порицать окружающее меня лицемерие, пока один из священников и один из наставников не донесли на меня семинарскому начальству, что я развращаю товарищей, насаждая семена ересей» (*Гапон*, 1990, с.6)⁸.

Увлечение толстовством оставило след в развитии мировоззрения Г.Гапона, оно подготавливало его к будущему разрыву с Православной Церковью, которую Л.Н.Толстой обвинял в лицемерии. Именно в это время Г.Гапон, как он сам пишет, «все яснее видел противоречие между евангельским учением и обрядами и догматами Церкви» (*там же*, с.6).

Учение Л.Н.Толстого было известно и о. Иоанну Кронштадтскому. Очевидно, что оно оставило след и в его душе, но не благостный, как у Гапона, а ожоговый. Всероссийский батюшка не побоялся, защищая святую Русскую Православную Церковь, растлеваемый русский народ, открыто опровергнуть заблуждения всемирно известного писателя, причем, здесь он был как никогда строг и непреклонен: «Господи, сколько (о ужас) ругается над Тобой и Церковью Твоею, над учением Твоим, над таинствами и богослужением Твоим толстовщина и вся одурманившаяся так называемая интеллигенция».

⁸ Гапон пишет «Фейерман», но это явная описка.

Св. Иоанн Кронштадтский пророчески заметил: «Горе Льву Толстому, не верующему в Господа и умирающему во грехе неверия и богохульства. И смерть Толстого будет ужасом для всего мира».

Небезосновательно граф Толстой был назван «зеркалом русской революции», поскольку его религиозное учение способствовало подрыву авторитета Православной Церкви в российском обществе и подготавливало почву для построения богоборческого режима. Поэтому в духовно-нравственной эволюции Г.Гапона увлечение толстовством является далеко не случайным эпизодом. Как известно, после Кровавого воскресенья Гапон так сформулировал свои новые взгляды: «Бога больше нет!», и очевидно, что к этой мысли он пришел не сразу, а в результате своего духовного падения, ведущего к гибели.

Очевидны выводы, которые можно сделать на первом этапе сравнительного анализа жизни двух современников – св. Иоанна Кронштадтского и Георгия Гапона. Эти выводы подтвердятся и дальнейшим ходом сопоставления мировоззрений и поступков двух исторических деятелей. Личность формируется, в первую очередь, в отношениях с другими себе подобными личностями. В случае о. Иоанна Кронштадтского она приходит в состояние любви и благодати к тем и благодаря тем, кто сам послужил, так или иначе, на поприще любви и благодати. В случае Г.Гапона, личности, бесспорно, незаурядной, ищущей, ей не повезло с «попутчиками», и она заостенела в состоянии гордого пренебрежения и осуждения священных основ жизни, а затем погубила самое себя, и нравственно, и физически.

В 1893г. Г.Гапон окончил семинарию и собирался поступать в университет. Однако этот путь для Г.Гапона оказался закрыт. Из документов, хранящихся в Синодальном архиве, видно, что причиной получения Г.Гапоном диплома второй степени, помешавшего ему поступить в университет, была его грубая выходка по отношению к профессору семинарии В.Щеглову (*Гапон*, 1990, с.49). «Для меня это было равносильно гибели всей моей карьеры и всего, что привлекало меня в жизни, – вспоминает Гапон. – Некоторое время я жил уроками и занимался статистикой в земстве... Теперь я увидел бедноту в цифрах и данных, собранных с больших площадей... и это еще более укрепило во мне желание посвятить свою жизнь служению рабочему классу и, первым делом, крестьянам» (*там же*, с.6).

Очевидно, что уже на первом этапе пастырского служения Г.Гапон утратил уважение к большинству православных священнослужителей, архиереев, да и к самой Православной Церкви, а дальнейшим естественным и последовательным изменением его личности стало отвержение

Самого Бога. Это произошло через десять лет после принятия сана священника, якобы «ради верных Христу».

Г.Гапон не хотел быть священником, а мечтал стать врачом. Когда он подрабатывал уроками, то познакомился с дочерью полтавского купца. «Я часто разговаривал с нею, и, когда она узнала о моих планах на будущее, она высказала свое мнение, что положение священника далеко лучше положения доктора для осуществления тех целей, которые были мне дороги... Когда я возразил ей, что мои принципы *противоречат* учению православной церкви, она ответила, что этого мало, т.к. главное дело – быть верным не православной церкви, а Христу, который есть идеал служения человечеству... Это убедило меня, и я решил сделаться священником» (*там же*, с.7). Здесь мы видим толстовское противопоставление Христа и Его Церкви. Церковь является мистическим Телом Христа, а Христос Ее Главою. Глава от тела неотделима, иначе – и то, и другое мертво.

В 1894 г. Г.Гапон женится и через два года принимает сан священника. Епископ Иларион определил его на хорошее, доходное место при кладбищенской церкви в Полтаве. Там молодой проповедник учредил братство для бедных и развернул активную социальную деятельность. Народ его полюбил, часть духовенства осуждала неординарного коллегу, но архиерей продолжал относиться к Гапону доброжелательно и покровительствовал ему.

Вспоминая свой полтавский период жизни, Г.Гапон напишет: «Женат я был четыре года, а священником был два года. У нас было двое детей – девочка и мальчик. После рождения мальчика жена моя серьезно заболела... И она умерла на моих руках... мне казалось, что все светлое отлетело из моей священнической жизни... Я был так удручен, что стал опасаться за свои мозги» (*там же*, с.7-8).

В 1898г. Г.Гапон покинул ставшую ему постылой Полтаву и на следующий год по ходатайству епископа Илариона и при содействии Обер-Прокурора К.П.Победоносцева поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию.

* * *

А Иван Сергиев по окончании Архангельской духовной семинарии был принят в Санкт-Петербургскую Духовную Академию в 1851г. на казенный счет. Следует отметить, что ректором Академии был епископ Макарий (Булгаков), будущий митрополит Московский, известный своими научными трудами и строгостью, которая являлась неотъемлемой частью всего учебного процесса в Академии.

«Нынешней свободы в академических стенах тогда не было и в зародыше. За студенческим поведением строго следили даже в классах во время профессорских лекций. Инспектор и помощники его, согласно «представлению» «Внутреннего академического правления» (от 6 февраля 1851г., № 43) на имя С.-Петербургского митрополита Никанора, обязаны были и в аудиториях наблюдать за студентами, как последние вели себя в присутствии профессоров. Нарушения академических правил поведения карались внушительно и непопустительно. Когда, например, инспектор архимандрит Иоанн сообщил (1 сентября 1854г.) о студенте Викторе Никольском, что последний был им замечен «в беспорядочном препровождении времени, соединенном с нетрезвостью», то академическое правление распорядилось посадить взрослого гражданина просто-напросто «в карцер на два дня» и об его проступке вписать «в книгу поведения»... Времена были «серьезные»» (Бронзов, 1909, с.390-391).

Впоследствии о. Иоанн, сравнивая начало XX века со своими временами обучения в духовных школах, писал: «...теперь в семинариях преподавание наук совсем другое, да и все пошло не так» (Духонина, 1998, с.163). Вероятно, это «не так», это послабление порядка, академических правил обучения, произошедшие в поздние времена, когда семинаристом был Г.Гапон, тоже поспособствовало изменению личности последнего, не проявлявшего должного почтения не только к образовательному процессу, но и к самим преподавателям.

О. Иоанн Кронштадтский всегда с неизменным уважением отзывался о духовном образовании. Так, в проповеди в день памяти своего небесного покровителя преподобного Иоанна Рыльского, он подчеркнул: «При слабых физических силах прошел я три образовательные и воспитательные школы: низшую, среднюю и высшую, постепенно образуя и развивая три душевные силы: разум, сердце и волю как образ тричастной, созданной по образу Святой Живоначальной Троицы, души» (о. Иоанн Кронштадтский, 2004, с.24).

Сразу бросается в глаза разница в оценке духовного образования, которую давали о. Иоанн Кронштадтский и о. Георгий Гапон.

«Высшая духовная школа, коей присвоено название Духовной Академии, имела на меня особое благоприятное влияние, — писал о. Иоанн. — Богословские, философские, исторические и разные другие науки, широко и глубоко преподаваемые, уяснили и расширили мое мирозерцание, и я, Божию благодатию, стал входить в глубину богословского созерцания, познавая более и более глубину благодати Божией, создавшей все премудро, прекрасно, благотворно, подчинив-

шей все создания твердым жизненным гармоническим законам; особенно пленил мой ум и сердце премудрый, дивный план спасения погибающего рода человеческого чрез Божественного Агнца Божия Иисуса Христа, *вземлющего грехи мира* (Ин. 1, 29); во мне развилось и окрепло религиозное чувство, которое было во мне вселено еще благочестивыми родителями. Прочитав Библию с Евангелием и многие творения Златоуста и других древних Отцов, также и русского златоустого Филарета Московского и других церковных витий, я почувствовал особенное влечение к званию священника и стал молить Господа, чтобы Он сподобил меня благодати священства и пастырства словесных овец Его. Размышляя о чудном, любвеобильном домостроительстве Божиим в спасении рода человеческого, я проливал обильные и горячие слезы, сгорая желанием содействовать спасению погибающего человечества. И Господь исполнил мое желание. Вскоре по окончании высшей школы я возведен был на высоту священнического сана» (*там же*, с.25).

Учебу Иван Сергиев совмещал с работой, по ночам за гроши переписывая в канцелярии бумаги. После смерти отца он остался единственным кормильцем в семье. Скучное жалование Иван обычно пересылал матери, но первый заработок за переписку сочинений старшего товарища он употребил на покупку толкования Златоуста на Евангелие от Матфея и радовался этой покупке как сокровищу из сокровищ (*св. прав. Иоанн Кронштадтский*, 2002, с.10).

Помещение канцелярии, закрытое для других, дало серьезному студенту еще большую возможность заниматься своим образованием. В студенческие годы Сергиев отличался в учебе особым прилежанием, кроме добросовестного изучения обязательных предметов Иван читал и святых отцов, особенно любил творения св. Иоанна Златоуста. Иногда, сидя за чтением его поучений, он вдруг один начинал хлопать в ладоши святому Златоусту, до такой степени восхищала его красота и глубина ораторства Вселенского учителя. Такое творческое проникновение в труды великого святителя, вероятно, определяется не только художественной и духоносной их гениальностью, но особым талантом восприимчивости души неравнодушного читателя этих трудов — будущего о. Иоанна Кронштадтского, который благодаря уважению и благоговению к людям, его окружавшим и послужившим ему, постоянно возрастал в благоговении к Самому Творцу и Спасителю мира. Личность формируется в правильном направлении, если в ближнем мы видим образ Божий. Общение с подобными нам людьми должно научать нас верному отношению к Богу.

Иван Сергиев в разрядных списках занимал места под номерами: 18, 25, 26, 29, 33, 35, 36... (из 39-ти)... Академический курс он окончил под № 35 (из 39-ти). В аттестате было отмечено, что Иван Сергиев «в августе 1851-го года поступив из Архангельской духовной семинарии в С.-Петербургскую духовную академию, обучался в ней, при способностях хороших, прилежании и поведении очень хороших...» (Бронзов, 1909, с.393).

Такой авторитетный исследователь жизни и трудов св. прав. Иоанна Кронштадтского, как митрополит Вениамин (Федченков) полагает, что «с товарищами, по-видимому, у него не было каких-либо особо близких отношений и дружбы, а тем более веселых товарищеских пирушек. Подобно древнему св. Василию Великому, и он пользовался уважением и даже боязнью со стороны студентов: не до веселья и не до празднества было ему. Учение, канцелярия и самообразование отнимали у него все время и внимание» (митр. Вениамин Федченков, 2000, с.27).

Однако воспоминания самого о. Иоанна вносят некоторые коррективы в эту характеристику, словно иллюстрируя приведенную выше мысль В.Н.Лосского о том, что любовь предполагает свободу, возможность выбора, бунта и отказа. Запись в дневнике от 15 ноября 1906г. позволяет увидеть о. Иоанна обыкновенным живым студентом:

«Вспомнил я свою Санкт-Петербургскую Академию и жизнь мою в стенах ее, которая была не безгрешна, хотя я был весьма благочестивым студентом, преданным Богу всем сердцем.

Грехи мои состояли в том, что иногда в великие праздники я выпивал вина, и только один Бог хранил меня от беды, что я не попался начальству Академии и не был выгнан из нее, как был выгнан студент Метельников (Вас. Иванович из Нижегородской семинарии), напившийся до бесчувствия и отмороживший себе руки за стенами Академии. (Ворота были заперты на ночь, и он не мог попасть в Академию). Благодарю Господа за милость и сокрытие моих грешных поступков. А то еще был случай: в один двенадесятый праздник было приказано мне за всеобщей стоять и держать митру архимандриту Кириллу, экстраординарному профессору и помощнику инспектора Академии, а я <митру> не снял, и потом, когда товарищи заметили, зачем я это сделал, ответил: «Сам снимет». Как мне сошла эта грубость, не знаю, но только архимандрит, видимо, обиделся на меня и по адресу моему на лекции в аудитории говорил очень сильные нотации, не упоминая меня. Он читал Нравственное Богословие и был родственник ректора Академии епископа Макария Винницкого. Чту почтенную память вашу, мои бывшие начальники и наставники (Владыка Макарий, инспектор Иоанн (Соколов), лектор Богословия и профессор архимандрит Кирилл), что

вы снизошли ко мне и не наказали меня соответственно вине моей и дали мне возможность окончить счастливо и получить академическую степень кандидата богословия и сан священника» (*еп. Арсений Жада-новский*, 1995, с.172-173).

В Академии у Ивана Сергиева появилось сначала желание взять на себя подвиг миссионерства в монашеском чине среди аборигенов Сибири и Северной Америки. Подтверждением этого является тот факт, что «студент Сергиев в числе семи состоял еще слушателем на (не обязательном) «миссионерском» отделении (или «классе»)» (*Бронзов*, 1909, с.392).

В 1855г. о. Иоанн окончил Духовную Академию со степенью кандидата богословия, защитив работу «О Кресте Христовом в обличении мнимых старообрядцев». Пожив, к тому времени, в столице четыре года и осмотревшись, он решил, что полезнее будет заняться пастырско-духовной работой. «Размышляя однажды о предстоящем служении Церкви Христовой во время уединенной прогулки по академическому саду, он, вернувшись домой, заснул и во сне увидел себя священником, служащим в Кронштадтском Андреевском соборе, в котором в действительности он никогда еще не был» (*Жизнь, подвиги...*, 1976, с.4).

В этом же 1855г. ключарь Кронштадтского Свято-Андреевского собора протоиерей Константин Несвицкий овдовел и по болезни ушел на покой. На его место 12 декабря того же года был назначен священник Иоанн Ильич Сергиев, женившийся на дочери своего предшественника Елизавете Константиновне⁹, с которой они ранее познакомились на академическом вечере. Диаконскую хиротонию 10 декабря (по ст. стилю) совершил ректор Академии, епископ Винницкий Макарий (Булгаков), а через два дня, 12 декабря, состоялась хиротония во пресвитера, которую совершил Христофор, епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургского митрополита.

* * *

Священнику Георгию Гапону поступить в Санкт-Петербургскую Духовную Академию было непросто из-за плохих семинарских документов. Но его выручили дерзкая настойчивость в сочетании с вкрадчивостью и удивительной способностью находить в разговоре неожиданные, но точные ходы. Практически получив отказ при аудиенции у обер-прокурора Святейшего Синода К.П.Победоносцева, соискатель понял, что все его надежды рушатся, и это вызвало в нем негодование и протест: «— Но, ваше превосходительство, — крикнул я, — вы должны

⁹ О семье о. Иоанна Кронштадтского подробно см.: *Шемякина*, 2001, с.38-41.

меня выслушать, это для меня вопрос жизни. Единственное, что мне теперь остается — это затеряться в науке, чтобы научиться помогать народу, я не могу примириться с отказом» (*Гапон*, 1990, с. 10).

Великий пастырь Иоанн Кронштадский, в противоположность Г. Гапону, не заявляя о непримиримом желании овладеть наукой, чтобы «помогать народу», владел ею с юных лет, с тех пор, когда на всю жизнь взял за образец слово Божие и подвиг Христов.

Непримиримый Гапон очень быстро остыл к духовной науке, так как не дождался от нее оправдания *своим* интересам: «Я думал, — пишет несостоявшийся пастырь, оправдывая свое небрежное отношение к учебе, — что в этом святилище науки, тем или другим путем, я приобрету то, что поможет мне служить правде и народу, но надежды мои совсем не оправдались... Только профессор истории церкви Болотов составлял исключение. Это был серьезный и очень умный человек; остальные *вовсе* не соответствовали своему назначению» (*там же*, с. 10).

Такое критическое отношение совершенно не соответствует действительности, поскольку в те времена Санкт-Петербургская Духовная академия блистала своей ученостью. Достаточно привести такие имена как: доктор богословия Троицкий Иван Егорович (1834-1901)¹⁰; ординарный профессор кафедры церковной археологии и литургии, директор Императорского Археологического института Покровский Николай Васильевич (1848-1917); профессор кафедры новой общей церковной гражданской истории, известный также своими трудами по истории Византии в послесоборный период, Скабаланович Николай Афанасьевич (1848-1918)¹¹; профессор Лопухин Александр Павлович (1852-1904),

¹⁰ Вот что пишет о И.Е.Троицком проф. СПбДА И.И.Соколов: «Имя этого ученого окружено ореолом высокой талантливости, беззаветной любви к греческому востоку, превосходным знанием его языка и истории, изумительным пониманием основных задач византиноведения и необыкновенною продуктивностью в научных работах этой отрасли знания. ... (Он) сделал для византиноведения так много, что его почтенное имя всегда будет стоять в первом ряду византологов востока и запада» (*Соколов*, 1904, с.306.). Он придавал самое серьезное значение первому настоящему научному опыту студента — кандидатской диссертации. В своем духовном завещании он предоставил Санкт-Петербургской Академии две тысячи рублей с тем, чтобы проценты с них ежегодно выдавались за лучшее кандидатское сочинение по истории Восточной церкви после седьмого Вселенского Собора.

¹¹ Особое место среди его работ занимает фундаментальное сочинение «Византийское государство и Церковь в XI в.». Это сочинение было переиздано в Санкт-Петербургском издательстве Олега Абышко в 2006г. Н.А.Скабаланович был также редактором академического журнала «Церковный Вестник» с 1886 по 1892г.

известный своей активной научной, публицистической и издательской деятельностью¹²; профессор кафедры нравственного богословия Бронзов Александр Александрович (1858–1936/37); известный библеист мирового уровня Глубоковский Николай Никанорович (1863–1937) – доктор богословия, профессор кафедры Священного Писания Нового Завета; заслуженный ординарный профессор Пальмов Иван Савич (1855–1920) – крупнейший знаток истории славянских народов.

Ректором Академии, после епископа Бориса (Плотникова), с 1901г. стал епископ Сергей (Страгородский), будущий Патриарх Московский и всея Руси, который уже в то время зарекомендовал себя весьма неординарной личностью, выдающимся богословом и иерархом. Достаточно упомянуть, что именно в период своего ректорства епископ Сергей был председателем Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге, которые стали «встречей» русской богоискательной интеллигенции и Православной Церкви, своеобразным ответом на возросший интерес части образованного класса к религиозно-философским вопросам» (Половинкин, 2005, с.490). Эти собрания были очень популярны и вызвали большой интерес в обществе (еп. Константин Горянов, 2003, с.64–71). «И когда правительство в 1903г. запретило религиозно-философские собрания в Петербурге, это запрещение, как ни странно, усилило традиционную заинтересованность интеллигенции в дискуссиях по вопросам общерусской важности» (Богачевская-Хомяк, 1975, с.87).

В то время при Академии действовали Общество студентов-проповедников (с 1887 г. под патронатом «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви») и Студенческое Психологическое общество (с 1900г.). Под руководством наставников студенты обретали навыки в деле распространения духовного просвещения. Немногие из них пошли в 1905г. на революционные

¹² Помимо преподавательской деятельности А.П.Лопухин с 1893г. был редактором одновременно двух академических журналов: «Церковный Вестник» и «Христианское Чтение», а с 1899г. еще журнала «Странник». Первая попытка издания Православной энциклопедии принадлежала именно Александру Павловичу. «Издание первой Православной богословской энциклопедии (ПБЭ) было предпринято по инициативе и на средства экстраординарного профессора Санкт-Петербургской духовной академии А.П.Лопухина (1852–1904) «на личный страх издателя – без всякой посторонней помощи, единственно в надежде на сочувствие того круга читателей, для которого предназначена наша Энциклопедия». Первые пять томов вышли под редакцией А.П.Лопухина в 1900–1904гг. – в качестве ежегодного бесплатного приложения к журналу «Странник», фактическим владельцем, издателем и редактором которого Лопухин стал 13 июля 1899г.» (Богданова, <http://www.spbda.ru/info.php?id=966>).

баррикады, большинство скромно и молитвенно исполняли свое предназначение.

Профессор Н.Н.Глубоковский так вспоминал об этих временах: «Студенты ограничивались своими специальными академическими кружками (пастырским, проповедническим) и вели скромную работу, видимо, столь благовидную и памятную, что уже при большевиках, когда разрушались чтимые часовни и осквернялись чудотворные иконы, один из них, потом митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), мученически убиенный в 1922г., получил дорогую митру и всегда при обозрении приходов был провожаем целыми толпами народа с пением и горящими свечами, пока ему не запретили угрожающе даже переезд за Неву на Охту...» (*Глубоковский, 1936, с.58*).

Таким образом, Санкт-Петербургская Духовная Академия в конце XIX – начале XX вв. переживала расцвет, не только в научной, но и в общественной деятельности, который, видимо, в силу малой духовной чуткости и потери интереса к богословию, не увидел (или не захотел увидеть) о. Георгий Гапон.

О пребывании Гапона в Петербургской Духовной Академии (1898-1903) сохранились воспоминания священника М.С.Попова, на основании которых И.А.Бухбиндером написана статья «Из жизни Г.Гапона». Попов близко знал Гапона, они вместе учились в Академии и одновременно служили в детском приюте. Что же касается учебы и поведения Гапона в Академии, то есть свидетельства, что «Гапона студенты сразу невзлюбили. Он отличался большой практичностью, неприятно бросавшейся в глаза. Так, например, в общежитии студенты жили по 10-15 человек в одной комнате. Гапон каждый раз так устраивался, что занимал самостоятельно комнату. Однажды для этого он выселил служителя канцелярии, сообщив начальству академии о том, что тот не имеет права жить в академии. В другой раз он заявил, что болен, и поселился в отдельной комнате в больнице. Он занимал ее долгое время, и врачу – заведующему больницей – пришлось вести с Гапоном долгую борьбу. Лекции Гапон посещал очень редко» (*Бухбиндер, 1922, с.101-102*).

Сам Георгий Гапон, вспоминая об этом времени, признается, что желание заниматься научными изысканиями в нем быстро охладело. «Постепенно я потерял всякий интерес к лекциям и понял, что никаких серьезных познаний от профессоров я не получу» (*Гапон, 1990, с.11*). Очевидно, что интересы и устремления его лежали уже совсем в другой области. На радость Гапона викарный епископ Вениамин пригласил его участвовать в миссии для рабочих, созданной при церкви на Боровой улице. Работа в миссии дала ему возможность определиться со своим

мировоззрением в области социального служения. «На собрании миссионеров, где обсуждался дальнейший ход работы, я высказал свое мнение, что для укрепления работы миссии необходимо организовать рабочих для взаимной поддержки и кооперации, чтобы они могли улучшить экономический быт своей жизни, что я и считал **необходимой предварительной стадией** для их нравственного и религиозного воспитания» (*там же*, с.11).

Таким образом, о. Г.Гапон приходит к выводам, диаметрально противоположным тем, которые сделал в свое время о. Иоанн Кронштадтский. Он принимает примат внешнего делания над духовным. В этом, конечно, сказался материалистический соблазн социализма — дьяволово искушение «сделать хлебы из камней», о котором так хорошо писал Ф.М.Достоевский. Трагедия состояла в том, что, если у Достоевского соблазном социализма были захвачены недоучившиеся семинаристы и миряне, то тут подобной материалистической идеологией проникались священнослужители. Это ли не катастрофа личности, призванной владеть своей природой и природой мира, но вместо этого подчиняющей себя и ближних требованиям природы и ставящей свою нравственность в прямую зависимость от материальных нужд? Вскоре Г.Гапон оставляет миссионерство ввиду невозможности распространения своего мировоззрения.

Гапон жалуется на ухудшение здоровья, и администрация Академии, о которой он неоднократно отзывался так пренебрежительно, отправляет своего студента в Крым на поправку. Там молодой священник был любезно приглашен епископом Таврическим Николаем провести время лечения в Георгиевском монастыре, где ему, неудавшемуся миссионеру, был оказан почет и уважение. Однако, вместо благодарности братии, поправившийся священник Георгий Гапон напишет потом в своей биографии: «Всюду заброшенные богатства и праздная, даже непорядочная жизнь. С каждым днем я убеждался, что все эти тысячи монастырей — только питомники порока и рассадники народного суеверия» (*там же*, с.13). Хорошее впечатление на Гапона произвели только художник Василий Верещагин, писатель Янчин, дворянин Михайлов, «искренне» советовавшие пастырю душ человеческих навсегда снять рясу, чтобы стать более свободным в грядущем служении народу (*там же*, с.12).

Вероятно, этот кризис личности Г.Гапона, выразившийся в переоценке исконных ценностей, стал закономерным результатом начавшегося с юности духовного разрушения. Г.Гапон был отравлен классовой ненавистью, соблазнен идеями толстовцев, под влиянием которых

он начал отходить от истинного Православия. Именно в это время начинает нарастать в нем стремление выделиться, как-то проявить свое Я. Истероидные черты личности, очевидно присущие Гапону, подстегивали тщеславие, гордость, демонстративное поведение.

* * *

Вернувшись в Петербург, священник Георгий Гапон продолжил свою проповедь среди рабочих. Он становится своим человеком в рабочих кварталах, его знают и любят. Эффектная, красивая внешность, незаурядный ораторский талант, умение производить впечатление на духовных и светских властителей обеспечили ему популярность среди прихожан и сравнительно неплохие места службы. «Меня стали приглашать в салоны титулованных особ, близких к придворным сферам, где я вскоре совсем освоился. В это время я познакомился с различными представителями придворной знати» (Гапон, 1990, с.15).

Когда Г.Гапон учился еще на втором курсе Академии, ему предложили место главного священника во втором приюте Синего Креста — отделении Общества попечения о бедных и больных детях. Вторым священником в приютской церкви был однокашник Г.Гапона священник М.Попов, по воспоминаниям которого мы можем составить себе представление о не совсем обычном «демократичном» поведении Г.Гапона на этой должности. С детьми он охотно играл в лапту, в церкви организовывал вокальное трио, к бедным прихожанам ходил пить чай со своим чаем и сахаром. Неудивительно, что паства столь необычного батюшки быстро увеличивалась. «Видя успех его проповедей, начальство души в нем не чаяло, он всех словно околдовал, ему приносили корзины фруктов и вин, — сообщает о. М.Попов, — в приюте не полагалось квартиры для духовенства, но для Гапона сделали исключение» (Бухбиндер, 1922, с.104).

Однако постепенно Гапон стал охладевать к богослужениям, прежнего самоотвержения как не бывало. «Гапон теперь стал хорошо одеваться, *купил зачем-то бурку казацкую* (выделено авт. — А.К.). Однако в деньгах он постоянно нуждался. У него стали частыми недоразумения из-за неплатежей по счетам. Далее, часто брал он взаймы у знакомых и не спешил возвращать. С начальством приюта у него выходили часто споры. Фруктов, вин и подарков от дам-патронесс приюта уже не появлялось» (там же, с.104).

Задумаемся, почему Г.Гапон купил казацкую бурку? Не потому ли, что в нем бурлила под спудом кровь немирная, не достигшая равнинного течения широты русской государственности?

Так и оказалось...

Вскоре Гапон оказался замешанным в скандале, заставившем его покинуть приют. «Вдруг матери девочек, воспитанниц этого приюта, стали усиленно брать своих детей из него..., — пишет биограф Гапона, — было проведено расследование. Оказалось, что Гапон так «своеобразно» держал себя с воспитанницами старших классов, что пребывание их в этом приюте становилось положительно неудобным» (Феликс, 1906, с.20). Когда об этой истории узнал викарный епископ Иннокентий, он тотчас исключил Г.Гапона из Духовной Академии и запретил ему служить. Отношения Гапона с попечительским советом приюта настолько обострились, что 2 июля 1902г. он произнес перед многочисленной паствой речь, направленную против начальства приюта.

Разрыву с детским приютом способствовал тот факт, что в 1902г. его воспитанница, старшеклассница Александра Уздалева, стала гражданской женой Гапона (православный священник не имеет права вступать в брак повторно).

Впрочем, свое неблагоприятное увольнение из прихода Г.Гапон сумел обставить как гонение и произнес горячую, обличающую руководство проповедь. Громко хлопнув дверью, он уехал в Полтаву с А.Уздалевой, которая была его гражданской женой до самой его смерти.

Но судьба опять дает ему удивительно редкий шанс. Вернувшийся митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) принял Г.Гапона, восстановил его в звании священника и вернул в Академию (Гапон, 1990, с.16). Гапон снова стал принимать у себя своих друзей-рабочих и разговаривать с ними об их нуждах.

Петербургский союз рабочих был утвержден, и ректор Академии епископ Сергей (Страгородский) произнес речь, в которой, напомнив о коммуне первых христиан, увещал рабочих не завидовать чужому богатству, а стараться честным трудом, трезвостью и взаимной помощью улучшить условия своей жизни. Однако это разочаровало Г.Гапона, так как он ожидал более радикальных призывов. На этом собрании Г.Гапон был уже не в рясе, а в костюме, что в присутствии своего ректора, архиерея, было просто вызывающим.

Весной 1903г. перед выпускными экзаменами и защитой диссертации о. Георгий Гапон наконец-то стал заниматься наукой и задумался о своей будущей жизни. Ректор, епископ Сергей, предложил ему принять монашество, но Гапон, находившийся в гражданском браке с Александрой Уздалевой, категорически отказался. Свой отказ он, однако, мотивировал следующим образом: «Среди монахов, с которыми я сталкивался в академии, был только один, нравившийся мне. Это был инспектор (архимандрит Феофан Быстров), которого любили все студен-

ты, но и он мне казался сухим и ограниченным человеком. Меня тогда тревожили религиозные сомнения, но, когда я ему о них сказал, он пришел в ужас и, заявив, что меня искушает сатана, посоветовал читать жития святых» (*там же*, с.19).

Летом 1903г. Г.Гапон заканчивает Санкт-Петербургскую Духовную Академию и защищает кандидатскую диссертацию «Современное положение прихода в православных церквях греческой и русской»¹³. По месту направления он не поехал и, отказавшись от места преподавателя в провинциальной семинарии, целиком ушел в рабочее движение.

Главный недостаток образованного духовенства Г.Гапон видел в том, «что оно так поглощено обрядностью и догматами, что не может понять настоящую сущность религии» (*там же*, с.20). Однако, по нашему мнению, именно это можно сказать о нем самом: он не понимал духовной сути того величайшего и труднейшего священнического служения, которое в тиши храмов несли его современники и соотечественники. Чувство священного и таинственного у него, по-видимому, все более притуплялось.

* * *

Нужно сказать, что в «Истории моей жизни» о. Г.Гапон упоминает о нескольких встречах с протоиереем Иоанном Кронштадтским и дает свою оценку маститому пастырю, который уже заслужил всероссийскую известность и всеобщее почитание.

Очевидно, что отец Иоанн произвел большое впечатление на молодого священника и студента Академии: «Не могу не сказать несколько слов о моих встречах с этим замечательным священником. Его манера раздавать на улице большие суммы денег привлекала в Кронштадт массу нищих, которая только и жила подаянием и все более и более теряла

¹³ В отзыве доцента иеромонаха Михаила (Семенова) на это сочинение отмечено, что работа по объему небольшая – 70 страниц. Сочинение «состоит из трех отделов – изложенных в двух главах: вторая делится на два отдела. Первая часть (стр.6-23) – «О приходе в греческой церкви». Эта часть ни в фактическом материале, ни в выводах, не оригинальна: она повторяет нашу книгу «Собрание уставов Константинопольского патриархата» (Казань, 1902г.). Работа Г.Гапона в этой части ограничилась простым перифразом» (*Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии*, 1903, с.341). Примечательно, что кандидатский диплом, несмотря на просьбу священника Георгия Гапона, не был вообще выдан ему на руки, т.к. он не сдал в фундаментальную академическую библиотеку казенные книги: «1) Гомера Илиада, в переводе Кречмера, ч.II-я – 1 руб. 25 коп.; 2) Кюнера. Греческая грамматика // в переводе Носова – 1 руб. 25 коп. и 3) Носова. Греческая Хрестоматия – 1 р. 25к.» (ЦГИА СПб. Ф.19. Оп. 115. Д.430. Л.9).

охоту к честному труду. Первый раз я встретился с ним на освящении церкви в Ольгинском приюте. Отец Иоанн был приглашен совершить богослужение вместе со мною и еще одним священником. Я внимательно всматривался в него. Он небольшого роста; глаза его пронизательны, борода короткая, седая; движения резкие, нервные; одет он был в великолепную рясу... Вскоре я встретил его в доме одного купца, где он также совершал богослужение. Его сопровождала одна из 12 его постоянных спутниц, одетая в белое, поведение которой было, скорее, кривлянием, чем поклонением... Когда новая церковь Красного Креста была окончена, княгиня Лобанова-Ростовская пригласила меня и отца Иоанна совершить богослужение. Там был и третий священник, молодой студент академии. Нас с отцом Иоанном затем пригласили к столу, но студента почему-то демонстративно не позвали... Однако в другой раз, проповедуя в техническом училище, отец Иоанн произвел на меня сильное впечатление силою своей проповеди и очевидной искренностью. Он говорил о смерти и воскресении и сказал, что каждый человек ежедневно умирает и воскресает и что каждый безнравственный поступок наполняет сердце чувством смерти, а всякое стремление к добру наполняет его славой новой жизни. Иногда он приезжал в академию, где студенты прямо обожали его» (Гапон, 1990, с.22-23).

Не о такой ли славе мечтал Г.Гапон, не осознавший своего предназначения, растративший данные ему Богом дары – пылкий ум, чистую совесть, физическое здоровье. Он, как блудный сын, прожил все свои духовные богатства в том возрасте, в котором студент Иван Сергиев тихо и внешне незаметно созидал здание своего великого будущего пастырства на фундаменте патрологии и догматики Православной Церкви. Гапон к догматическому богословию относился пренебрежительно, об изучении Святых Отцов не вспоминал вообще. В священники он пошел не по призванию, хотя изначально у него сильна была тяга к Богу. На таком основании невозможно построить свое служение народу.

Для более выразительной характеристики о. Иоанна и Г.Гапона как нельзя лучше подходят слова Спасителя из Нагорной проповеди: «Всякого, кто слушает слова Мои и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал; потому что основан был на камне. А каждый, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7: 21-27).

По окончании Академии о. Г. Гапон остался в столице: «очень хотелось совсем выйти из духовенства, но священническая ряса давала мне свободный доступ к рабочим, и потому я решил не делать этого и стал хлопотать о приходе в Петербурге» (*Гапон*, 1990, с.20).

А впереди Г. Гапона ждали испытания дождями пуль, реками крови, ветрами революции. Эти испытания, по сути сводящиеся к одному – испытанию в верности Богу и Церкви, привели Гапона и последовавших за ним к падению великому, к гибели духовной и физической.

Будущее падение словно предощущалось во всем облике этого мятущегося человека. На сохранившихся фотографиях, на живописных изображениях, созданных революционными художниками, не различить ни лица Гапона, ни переживаемых им чувств – лишь черный силуэт, склонившийся, будто под напором стихии...

А отец Иоанн Кронштадтский, также прошедший в начале XX века через многие искушения, не только устоял в своей преданности Богу, но и стал настоящей свечой, освещающей путь для многих людей на все последующие времена. Отец Иоанн с кротостью и любовью исполнил слова Христа: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного» (Мф. 5: 16). Воистину, светит свет очей о. Иоанна Кронштадтского со святых икон, изливается на немощи, грехи и устремления наши. В веках будет сиять образ святого, как маяк, возженный на том море, о котором писал свт. Игнатий Брянчанинов: «Широко расстилается оно, хрустальное, серебряное, между отлогими берегами. Замкнуто оно Кронштадтом, за которым беспредельность моря сливается с беспредельностью неба» (*свт. Игнатий Брянчанинов*, 1999, с.28).

ЛИТЕРАТУРА

- Арсений (Жадановский), епископ.* Воспоминания. – М.: Свято-Тихоновский богословский институт: Братство во имя Всемилоостивого Спаса, 1995.
- Балакишина Ю.В.* Годы учения отца Иоанна Кронштадтского в Архангельских духовных школах (1838-1851) // Альманах «Кронштадтский пастырь». Вып.2. – М.: Изд-во «Отчий дом» (в печати).
- Богачевская-Хомяк Марта.* Философия, религия и общественность в России в конце 19-го и начале 20-го вв. // Русская религиозно-философская мысль XX века. Сборник статей под ред. Н.П.Полторацкого. Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета. Машинопись. – Питтсбург, 1975.
- Богданова Т.А.* Первая «Православная Богословская Энциклопедия» (1900-1911) // Официальный сайт Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии <http://www.spbda.ru/info.php?id=966>

- Бронзов А., проф.* К биографии о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского. (Некоторые справки из архива С.-Петербургской духовной академии) // Душеполезное Чтение. 1909. Ч.1.
- Бухбиндер И.А.* Из жизни Г.Гапона (По неизданным материалам) // Красный летописец. 1922. № 1.
- Вениамин (Федченков), митрополит.* Отец Иоанн Кронштадтский. СПб. – Кронштадт: «Воскресение», 2000.
- Гапон Г.* История моей жизни. Серия: Российский летописец. – М.: «Книга», 1990.
- Глубоковский Н.Н., проф.* С.-Петербургская Духовная Академия во времена студенчества там Патриарха Варнавы. – Сремски Карловци, 1936.
- Духонина Е.* Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский. Дневник духовной дочери. – М., 1998.
- Жизнь, подвиги, чудеса и пророчества святого праведного отца нашего Иоанна Кронштадтского Чудотворца. Собрал архимандрит Пантелеимон, 1976.
- Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1902/3 год (в извлечении). Приложение к журналу «Христианское Чтение». – СПб., 1903.
- Зенько Ю.М.* Основы христианской антропологии и психологии. – СПб.: Речь, 2007.
- Иоанн (Зизиулас), митр.* Личность и бытие // Начало. СПб., 1998.
- Кавторин В.В.* Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года. – Л.: Лениздат, 1992.
- Константин (Горянов), архимандрит.* Жизнь и творчество Виктора Несмелова // Вестник Белорусского Экзархата. № 5, 1990, с.32-36, № 6, 1991, с.40-44.
- Константин (Горянов), епископ.* Жизнь и творчество Виктора Несмелова // ЖМП. 1996, № 7, с.55-62.
- Константин (Горянов), епископ.* Опыт встречи. К столетию Религиозно-философских собраний // ЖМП, № 1, 2003.
- Лосский В.Н.* Догматическое богословие // Богословские Труды. Сб.8. – М.: Издание Московской Патриархии, 1972.
- Несмелов В.И.* Наука о человеке. Т.1. – Казань: Центр. тип., 1905.
- Половинкин С.М.* На изломе веков. О религиозно-философских собраниях 1901-1903 годов // Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901-1903гг.) / Общ. ред. С.М.Половинкина. – М.: Республика, 2005.
- Сверчков Д.* Георгий Гапон. Опыт политической биографии. – М., 1920.
- Свт. Игнатий Брянчанинов.* Крестоношение. – М., 1999.
- Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. Сост. и комм.: А.Н.Стрижев. – М.: Изд-во «Отчий дом», 1997.

- Святой праведный Иоанн Кронштадтский: проповеди, воспоминания современников и родственников // Составители Шемякина С.И., Шпякина Г.Н. – М.: Издательский Совет РПЦ, 2002.
- Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев. Сост.: Орнатская Т.И. и др. – М.: Изд-во «Отчий дом», 2004.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. – М.: Школьная пресса, 2000.
- Соколов И.И.* Иван Егорович Троицкий – «ипат византологов», его ученые труды и историческое значение // Христианское чтение. Т.1. Февраль. 1904.
- Феликс Г.А.* Гапон и его общественная роль. – СПб., 1906.
- ЦГИА СПб. Ф.19. Оп. 115. Д.430. Л.9.
- ЦГИА СПб. Ф.19. Оп.97. Д.46. Л.18.
- Шемякина С.И.* Св. Иоанн Кронштадтский и семья Несвицких // Свято-Иоанновские чтения. Церковно-научная конференция. Вып.1. – СПб.: Изд-во Леушинского подворья, 2001.